

УДК 343.37:346.26 (575.3)

**РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЯ ЗАКОННОЙ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

А.И. Сафарзода

Рассматриваются особенности разграничения состава воспрепятствования законной предпринимательской деятельности от смежных составов преступлений, предлагаются пути решения несоответствия между общей и специальной нормами об ответственности за коррупционные преступления в сфере предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: преступление; наказание; должностное лицо; разграничение; предпринимательская деятельность; коррупция.

**DIFFERENTIATION OF IMPEDING THE LAWFUL BUSINESS ACTIVITIES
OF RELATED OFFENSES OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN LEGISLATION**

A.I. Safarzoda

The paper considers the distinguishing features of the composition of obstruction of legitimate business from related offenses, proposed tie-up solutions discrepancy between general and special provision on liability for corruption offenses in the sphere of entrepreneurial activity.

Keywords: crime; punishment; official; distinction; entrepreneurial activity; corruption.

Конституция Республики Таджикистан признает права и свободы человека и гражданина высшими ценностями и гарантирует их признание, соблюдение и защиту в полном объеме со стороны государства. Наряду с этим, в ст. 14 Конституции определено, что ограничения прав и свобод граждан допускаются только с целью обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики.

Одной из частей прав и свобод человека и гражданина является свободное осуществление экономической и предпринимательской деятельности. Соответственно ст. 12 Конституции Таджикиской Республики государство гарантирует свободу экономической и предпринимательской деятельности, равноправие и правовую защиту всех форм собственности, в том числе частной. Дальнейшее расширение экономической и предпринимательской свободы является залогом успеха формирования социального государства, которое направлено на обеспечение достойной жизни и свободное развитие каждого человека [1, с. 65].

Вместе с тем на сегодняшний день для обеспечения конституционного права на осуществление свободной предпринимательской деятельности от явно чрезмерного контроля над предпринимательством со стороны должностных лиц в Уголовном кодексе определены отдельные средства противодействия. Уголовно-правовые средства борьбы с должностными преступлениями в сфере предпринимательства предусмотрены законодателем в нормах об ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности [2, с. 126–129].

Негативными последствиями усугубления криминальной ситуации в хозяйственной сфере являются не только экономические потери добросовестных субъектов экономики, но и проблемы социального характера: государство не выполнит своих обязательств по содержанию работников бюджетной сферы (врачи, учителя, воспитатели в дошкольных образовательных учреждениях), не будут осуществляться мероприятия по ремонту дорог, местных и государственных зданий, в том числе культурного наследия, усилятся риски

недостаточного финансирования школ, больниц, детских садов и т. д. Изложенное является очевидным свидетельством оправданности установления уголовно-правовой репрессии за наиболее опасные криминальные посягательства в рассматриваемой сфере [3, с. 185].

Следует отметить, что в теории уголовного права до последнего времени не существует единого мнения о месте исследуемого преступления. Так, Ю.В. Вербицкая, исследовавшая проблемы воспрепятствования законной предпринимательской и иной деятельности, полагает, что данную статью целесообразно разместить в главе “Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина”. По ее мнению, при перемещении анализируемой нормы из главы “Преступления в сфере экономической деятельности” в главу “Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина” законодатель продемонстрировал бы, с одной стороны, легитимную и востребованную обществом (как весьма полезную) предпринимательскую деятельность, а потому и охраняемую средствами уголовного закона, с другой – приверженность строжайшему запрету чиновничьего беспредела [4, с. 143].

Не соглашаясь с таким мнением, К.А. Ворожко отмечает, что, с одной стороны, безусловно, законодатель должен подчеркивать общественную полезность предпринимательской деятельности, конституционно-правовую значимость свободы предпринимательства. Но, с другой стороны, не вполне понятно, почему Ю.В. Вербицкая считает, что этого можно добиться с помощью перемещения нормы, предусмотренной ст. 258 УК РФ, в главу о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина [5, с. 133–144].

Следуя такой логике, можно практически любую норму Особенной части уголовного законодательства поместить в главу “Преступления против конституционных прав и свобод граждан”, поскольку так или иначе многие преступления нарушают конституционные права и свободы человека и гражданина [5].

Относительно необходимости запрета “чиновничьего беспредела” следует отметить, что преступления против конституционных прав и свобод граждан не могут выступать в качестве главенствующих, так как необходимые нормы предусмотрены в главе “Преступления против государственной власти, интересов государственной службы”.

Исходя из этого можно заключить, что вполне оправданно размещение ст. 258 УК РФ в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности и, что немаловажно, подчеркивается приори-

тетность уголовно-правовой охраны предпринимательской деятельности от должностных вмешательств [5].

Следует отметить, что к наиболее актуальным аспектам регламентации ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, совершенным с использованием служебного положения, необходимо отнести проблемы четкого законодательного разграничения смежных составов преступлений и криминализации новых видов девиантных экономических деяний, совершаемых с применением указанного способа [6, с. 50].

Одной из таких законодательных конструкций является состав воспрепятствования законной предпринимательской деятельности, который породил в теории уголовного права споры о его соотношении с составами должностных преступлений, предусмотренных ст. 324 и 316 УК РФ.

В частности, одни ученые считают, что названные выше составы соотносятся между собой как общая и специальная нормы, признавая, таким образом, первенство последней нормы в случаях совершения действий, перечисленных в ст. 258 УК РФ [7, с. 12].

Другие ученые пишут, что нормы об этих преступлениях нельзя рассматривать как конкурирующие, поскольку ни одна из них не является более полной ни по объему, ни по содержанию в сравнении с другой. По одним признакам состава полнее оказывается одна норма, а по другим признакам состава – другая [8, с. 85].

Действительно, состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 258 УК РФ, является полнее по объекту уголовно-правовой охраны, а преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 314 УК РФ и ч. 1 ст. 316 УК РФ обладают конститутивными признаками, характеризующими последствия преступного посягательства. Это означает, что конкуренции норм здесь нет [6, с. 50–51]. В этой связи некоторые ученые предлагают квалифицировать воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, по совокупности ст. 258 и 314 или 316 УК РФ [9, с. 112].

Здесь С.С. Витвицкая и А.А. Витвицкий правильно отмечают, что если согласиться с этим умозаключением, то речь пойдет по существу о “двойном вменении” ответственности за одно деяние, и это нарушает принцип справедливости (требование неизбыточности запрета) [6, с. 51].

По мнению другой группы ученых, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности должно квалифицироваться по ст. 258 УК РТ лишь при условии, что оно совершено без сочетания двух признаков: корыстной или иной личной заинтересованности и причинения последствий, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 314 или ч. 1 ст. 316 УК РТ. В тех случаях, когда указанные признаки налицо, содеянное полностью охватывается составом преступлений, предусмотренных ст. 314 или 316 УК РТ [8, с. 85].

Такое правило квалификации может быть правильным по существу, но заставляет задуматься об обоснованности выделения специальной нормы, поскольку специальная норма вводится в связи с необходимостью потенциальной охраны исключительно важных общественных отношений [10, с. 131].

Другие ученые, разделяющие эту точку зрения, пишут, что социально-позитивный смысл выделения специальных составов преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях, заключается в стремлении законодателя подчеркнуть особую важность такого правоохраняемого объекта, как свобода и конституционные гарантии предпринимательской деятельности. В силу этого преступления в сфере экономической деятельности признаются наказуемыми при условии ненаступления последствий, предусмотренных составами злоупотребления должностными полномочиями и их превышением, а также при отсутствии корысти или иной личной заинтересованности как мотивов, определявших поведение виновного лица [11, с. 146–147].

Однако согласиться с этим мнением мешает законодательно заниженная оценка уровня общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 258 УК, по сравнению с должностными преступлениями, описанными в ст. 314 или 316 УК РТ в виде последствий. Между тем заслуживает внимания указание о том, что конструирование специальных норм может допускаться лишь в исключительных случаях, когда этого требуют задачи установления более строгой дифференциации ответственности либо расширения или сужения сферы уголовной ответственности [6, с. 52].

С учетом этого ученые предлагают свои решения данной проблемы:

1) отказаться от таких специальных норм [12, с. 32];

2) повысить ответственность за указанные преступления в сфере экономической деятельности [13, с. 134];

3) сделать условием привлечения к уголовной ответственности в ч. 1 ст. 258 “крупный ущерб” и усилить ответственность за это деяние [14, с. 440];

4) в ст. 258 УК использовать криминообразующие признаки, присущие преступлениям, описанным в ст. 314 или 316 УК, и усилить ответственность [15, с. 172].

Анализ теории и практика применения ст. 258 УК показывает, что отказаться от этих специальных норм нельзя, поскольку исключение ст. 258 из УК РТ существенно сократит гарантии свободы предпринимательской деятельности. Таким образом, декриминализация анализируемого преступления не оправданна, с учетом прогноза развития преступной деятельности может повлечь за собой негативные процессы в этой экономической деятельности, в том числе в предпринимательской сфере.

На наш взгляд, следует поддержать ранее высказанное предложение о согласовании санкций ст. 258 с санкциями ст. 314 или 316 УК РТ.

Что касается изменения законодательной конструкции рассматриваемых составов с формального на материальный, то представляется нецелесообразным введение криминообразующего признака “крупный ущерб” в ч. 1 ст. 258 УК. Это связано с практическими трудностями при исчислении ущерба в случае совершения этого преступления.

Привлекательно выглядит предложение об использовании в ст. 258 УК таких криминообразующих признаков, которые описаны в ст. 314 или 316 УК. Поэтому целесообразно дополнить ч. 1 ст. 258 УК словами “повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства”.

Литература

1. Сафаров А.И. Конституционное право граждан на предпринимательскую деятельность и его уголовно-правовая охрана в Республике Таджикистан / А.И. Сафаров, С.М. Салохидинова. Душанбе, 2016.
2. Сафаров А.И. Проблемы определения общественной опасности должностных преступлений в сфере предпринимательской деятельности / А.И. Сафаров // Вестник Таджикск. нац. ун-та. 2014. № 3–5 (142). С. 126–129.
3. Аванесов Э.А. Воспрепятствование законной предпринимательской и иной деятельностью: какие отношения охраняет закон? / Э.А. Аванесов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32).

4. *Вербицкая Ю.В.* Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Вербицкая. М., 2006.
5. *Ворожко К.А.* Незаконное вмешательство должностных лиц в предпринимательскую деятельность: уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук / К.А. Ворожко. Ставрополь, 2011.
6. *Витвицкая С.С.* Проблемы уголовно-правовой оценки способа преступлений в сфере экономической деятельности: учеб. пособие / С.С. Витвицкая, А.А. Витвицкий. Ростов н/Д, 2015.
7. *Горелик А.С.* Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях / А.С. Горелик, И.В. Шишко, Г.Н. Хлупина. Красноярск, 1998.
8. *Чугунов А.И.* Уголовно-правовая охрана свободы предпринимательской деятельности / А.И. Чугунов. Ульяновск, 2002.
9. *Аванесян Г.С.* Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук / Г.С. Аванесян. Ульяновск, 2000.
10. *Коробеев А.И.* Советская уголовно-правовая политика проблемы криминализации и пенализации / А.И. Коробеев. Владивосток, 1987.
11. *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности по Уголовному праву России / Б.В. Волженкин. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. 765 с.
12. *Аистова Л.С.* Уголовный закон о преступлениях в сфере экономической деятельности и проблемы его совершенствования / Л.С. Аистова // Тр. Санкт-Петербургского юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ. 2000. № 2.
13. *Лопашенко Н.А.* Вопросы совершенствования норм главы 22 УК РФ: проект федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ" (с пояснительной запиской) / Н.А. Лопашенко // Налоговые и иные экономические преступления: сб. науч. ст. / под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2000. Вып. 1.
14. *Тюнин В.И.* Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук / В.И. Тюнин. СПб., 2001. 525 с.
15. *Абоян Ю.И.* Специальный субъект преступлений в сфере экономической деятельности (уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук / Ю.И. Абоян. Ростов н/Д, 2006.